РОМАНЫ О ВЕТЕРАНАХ СПЕЦНАЗА

СЕРГЕЙ САМАРОВ

ОНИ ПРИШЛИ С ВОЙНЫ

Сергей Васильевич Самаров
Они пришли с войны

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17103771
Они пришли с войны: Эксмо; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-86039-5

Аннотация

Капитана спецназа ГРУ Страхова уволили из армии по ранению. Он в растерянности – кому он теперь нужен на гражданке, если умеет лишь искать врагов, находить их и убивать? В довершение от него ушла жена. Остался капитан один. Хоть еще и молод, но жизнь уже сломана. Впереди – мрак безысходности, пьянство и деградация. Но вот как-то Страхов стал свидетелем, как группа отморозков напала на мужчину и женщину. Депрессию у капитана как рукой сняло. В нем мгновенно проснулись старые боевые навыки. Он тотчас же ввязался в драку и принялся с хрустом ломать носы и челюсти отморозкам. Как соскучились его кулаки по нормальной мужской работе! Но одного еще не знал Страхов: теперь этой работы у него будет с избытком, и униженные бандиты скоро вернутся за ним…

Содержание

Пролог	5
Глава первая	21
Глава вторая	43
Глава третья	64
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Сергей Самаров
Они пришли с войны

© Самаров С., 2016
© ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Пролог

Честно говоря, я толком и не понял, дурак этот подполковник Солоухин или шутник. Но в моей ситуации разницы между этими двумя понятиями было как боевого опыта у курсанта-первокурсника военного училища. Как человек военный по сути своей, я всегда почти трепетно уважал субординацию – исключения случались, но не в этом суть, и мне было бы трудно считать подполковника даже медицинской службы дураком, хотя я лично к медицине всегда отношусь с некоторым недоумением. Тем более, как я несколько раз слышал в госпитале экспериментальной медицины, где лежал, он являлся даже профессором военно-медицинской академии, хотя по какому-то мутному недоразумению Солоухин еще и возглавлял военно-медицинскую комиссию. Думаю, в военно-медицинской академии профессору платили обидно мало, в госпитале еще меньше, а он мечтал зарабатывать, как футболист, потому и согласился комиссию возглавить. При этом в саму комиссию входили даже полковники медицинской службы, пусть и не имеющие профессорских званий. Но шуточки, которые подполковник любил бросать горстями, не говорили ни о его высоких интеллектуальных способностях, ни о том, что он может когда-нибудь до генерала дослужиться и в самом деле зарабатывать хотя бы половину зарплаты самого бездарного футболиста.

При этом генерал, в моем понятии, должен быть в меру болтливым и в меру сдержанным. Мне лично доводилось только с такими и встречаться. Относительно сдержанности Солоухина ничего сказать не могу – не встречался с таким вопиющим фактом, а вот относительно его болтливости мне даже болтать не хочется…

Короче говоря, меня пригласили в кабинет, на двери которого было написано «ВТЭК[1]», первым. Подполковник снял очки – так ему, наверное, было сподручнее меня видеть, посмотрел мутным взглядом нетрезвой лягушки из наполненной спиртом академической банки и сказал всем собравшимся за столом. Собравшимся, как я понял, не для выпивки.

– А вот и человек, которому танк по голове проехал. Рекомендую познакомиться…

И сам Солоухин не чувствовал, что глупость несет несусветную. А ведь я уже много раз объяснял профессору, конечно, не прямыми словами, которые ему понять было бы сложно при его рисованной интеллигентности – я от него ни разу матерного слова не слышал, а недвусмысленными намеками, что он по какому-то недоразумению еще и подполковник и потому просто обязан видеть разницу между танком и боевой машиной пехоты. Там, где меня ранило и контузило, вообще танков не было. Танковые части на Северном

[1] ВТЭК – Врачебно-трудовая экспертная комиссия, устанавливающая наличие и степень инвалидности.

Кавказе сейчас не воюют. Но по моей голове даже боевая машина пехоты, к его сожалению, не проезжала, как я понимаю, поскольку голова у меня, мне кажется, совершенно не сплющена. Я лично ее несколько раз и ощупывал, и в зеркало рассматривал. Просто я был на броне БМП, когда бандитская мина, посланная из «Подноса»[2], попала в башню, и меня взрывной волной и осколками просто сбросило с брони на деревья стоящего вплотную к дороге леса. Еще, помнится, этот подполковник говорил мне, что я половину леса переломал, когда от танка отлетал. Врет, конечно, как дышит. Лес там на много километров тянется. А я так далеко не отлетел. Не помню такого полета. И с логикой Солоухин ни одним полушарием своего профессорского мозга не дружит. Мог бы, в конце-то концов, догадаться, если я отлетал после взрыва, то тем более, каким это образом гусеница танка, который в те горные места даже вертолетом никогда не забрасывали, или даже БМП, на броне которой я ехал, могла по моей голове покататься? Бронетехника с развороченной башней гналась за мной по лесному массиву? Но там, помнится, лесной массив по такому крутому склону вверх взбирался, что только скалолазу и сдался бы. Да и механик-водитель БМП был знакомый. Какой ему смысл по мне кататься? Любил, короче говоря, подполковник глупости говорить. А мне было неприятно их слушать и не иметь возможности возразить, поскольку капитану не положено возражать тако-

[2] «Поднос» – 82-миллиметровый миномет.

му количеству старших офицеров, сидящих здесь, в госпитале экспериментальной медицины, за столом, покрытым кроваво-бордовым сукном. Даже одному подполковнику-экспериментатору – и то не положено, несмотря на то что он профессор.

– И что прикажете теперь с вами делать? – недобро усмехаясь, спросил меня майор медицинской службы, обладатель носа спело-сливового цвета. Тоже, наверное, член комиссии.

– Элементарно просто. Подлечить, товарищ майор, – ответил я, почему-то не собираясь старшим офицерам ничего приказывать.

– А потом отправить обратно в часть… – добавил какой-то полковник, читая мои мысли.

Тоже мне, медиум нашелся. О таких вещах нельзя говорить ехидно! Службы, похоже, полковник на своем веку не нюхал и из операционной не высовывался. Этого бы полковника вместе с подполковником Солоухиным хотя бы на недельку отправить без звездочек на погонах ко мне в роту. Вот тогда бы они об армии с бóльшим уважением говорили, чем о своих операционных. У нас операции посложнее случаются, чем у них…

– Конечно, товарищ полковник, – согласился я. – У меня рота лучшая в бригаде. Меня и солдаты, и офицеры ждут.

– А нога как? – напомнил подполковник Солоухин.

– Я уже каждое утро бегаю вокруг корпуса, – сообщил я новость, от которой все члены комиссии, независимо от ар-

мейских званий, одинаково напряглись, а кое-кто даже привстал в удивлении, меня разглядывая. Но глаза ни у кого, к счастью, не лопнули.

– Чего? – не понял подполковник Солоухин. – Бегаете? Кто разрешил?

– А мне никто не запрещал, товарищ подполковник, потому и бегаю. Помню, в детстве у меня дома сосед по этажу был. Я его всегда считал огрызком октябрьской революции, а он, оказывается, был всего восьмидесятипятилетний дед, инвалид. Так вот, он в пять утра ежедневно с палочкой бегал. Я тоже с палочкой начал. Потом и без нее научился обходиться.

Полковники, подполковники и майор дружно переглянулись. Физиономии скривились в недоверии. Только одна медсестра Люся Улыбка, что сидела в торце стола и заполняла какие-то документы, улыбнулась. Она сама видела, что я по утрам бегаю. С утра удивилась, а к обеду и удивляться перестала.

– И давно бегаете? – спросил Солоухин.

– Давно. Два дня. Сегодня во второй раз бегал. Вчера с реабилитационной палочкой, с тростью то есть, сегодня без нее. Я и сюда, видите же, без трости пришел.

– А зачем вообще тогда у вас костыли в палате стоят? – возмутился Солоухин, словно я бегал с пулеметом вокруг его дома и беспрестанно стрелял во все стороны.

– Не могу знать, товарищ подполковник. Это больничное

имущество.

– Вы на костылях еще полгода минимум должны ходить.

– Ходить, может быть… Но с ними, товарищ подполковник, бегать неудобно, – честно признался я. – Под мышками при беге натирают.

– Да… Танк, видимо, был тяжеловат… – заладил свое Солоухин. – Короче говоря, так, Тимофей Сергеевич. Мы вас отправляем на инвалидность по причине тяжелого ранения конечностей, одновременно выдаем вам направление на обследование в институт военной психиатрии. А уж что там они решат, не знаю. Это вопрос не нашей хирургической компетенции. Вы свободны…

– Но я же уже бегаю, товарищ подполковник, – с просьбой во взгляде возразил я. – Через неделю я уже и хромать перестану.

– Даже если вы, товарищ капитан, на моих глазах левой рукой дверь насквозь пробьете, это не сделает титановую трубку, которую вам вставили в бедро, полноценной костью. И коленная чашечка на той же ноге у вас как поставлена из легированной нержавеющей стали, так и будет стоять. Новая кость не имеет обыкновения вырастать и приобретать необходимую форму. Это вопрос окончательный и обжалованию не подлежит. Идите, капитан, в палату. Как документы будут готовы, Улыбка вам принесет и объяснит все, что вам нужно будет сделать и оформить.

– Но я же… – Я еще на какое-то чудо наивно надеялся.

– Я же говорю, танк тяжелый был… – Подполковник переглянулся с коллегами и усмехнулся с некоторым, как мне показалось, презрением.

И это меня обозлило. Я круто развернулся, каблуками по-гусарски не щелкнул, поскольку на ногах были не сапоги со шпорами и даже не армейские берцы без шпор, а только больничные тапочки, и строевым шагом двинулся к двери. Но у двери в глазах от злой расстроенности побелело, и я, чтобы сбросить напряжение, под шаг, вложив в удар вес тела, выбросил вперед левую руку. На левой руке у меня кость на титан не меняли, но там был разрыв мышечной ткани в месте соединения бицепса, трицепса и средней доли дельтовидной мышцы – рука, как мне Солоухин по скудоумию пообещал, еще лет пять подниматься не будет. К моему удивлению, кулак высунулся с другой стороны двери, похоже, пробив надпись «ВТЭК».

Хорошо, что там никто к двери не прислонился.

Члены комиссии, кажется, слегка удивились. Я увидел это, обернувшись.

– Извините…

Про танк подполковник Солоухин больше не вспомнил. Трудно, видимо, вспоминать с раскрытым ртом. Даже слова так не выговоришь, и все мысли вылетают.

За дверью стояли два солдата-язвенника и еще один капитан саперной службы, которому кисть руки оторвало, дожидались своей очереди быть комиссованными. Они смотрели

с испугом на мой кулак. А я посмотрел на дверь. И удивился, какая она оказалась толстая. Надо же… С трудом пробил…

Даже руку немножко больно…

* * *

В палате я некоторое время ковырялся в своем кулаке, но все же вытащил четыре занозы. Сам кулак от беседы с дверью не пострадал. Ну да, он-то у меня тренированный. На протяжении многих лет я неуклонно выполняю железное правило – бью по стандартному боксерскому мешку по пятьсот раз слева и по пятьсот раз справа. Разные удары – прямые, боковые, кроссы, апперкоты. Число пятьсот относится только к акцентированным ударам. Простые легкие удары в счет не идут. Бью, конечно, без перчаток. В спецназе ГРУ не принято на таких занятиях перчатки использовать. В реальном бою противник ждать не будет, пока ты перчатки натянешь. Суставы слега сплющились, но не болят. А в месте ранения, где осколок от мины через плечо прошел и разорвал мне мышцы, было только ощущение дискомфорта. Рука почти работала, что не могло меня не радовать. Не знаю, как Солоухина.

Правда, в госпитале экспериментальной медицины боксерского мешка для соответствующих экспериментов не нашлось. Все, что здесь имеется, это велотренажер и беговая дорожка в кабинете физиотерапии. Это меня не устраивает

категорически. Но боевую форму я вернуть себе всегда сумею. Даже на дверях тренируясь. Хотя лучше было бы выбирать более тонкие двери.

Через четыре часа в офицерскую палату, привычно улыбаясь, зашла медсестра Люся Улыбка. Раньше, услышав случайно, я думал, что Улыбка – это что-то вроде позывного или клички, потом только узнал, что у нее фамилия соответствует выражению лица. В гармонии, значит, человек живет. Вот у меня так при всем желании получиться не может. Фамилия моя – Страхов. Страх я, конечно, бывает, испытываю, как и всякий нормальный человек, но обучен на службе силой воли побеждать его. И иногда в зеркало заглядываю, но себя не пугаюсь. Вполне нормальное у меня лицо. Что еще раз говорит о том, что наш профессор излишне языком болтает, и никакой танк по моей голове не катался. Совсем я не страшный. Никого не боюсь сам и никого при этом не пугаю. Какая уж тут гармония…

Улыбка положила на тумбочку картонную папку с документами.

– Как себя чувствуете, Тим Сергеевич?

– Относительно скверно, – сердито ответил я. – Какое может быть самочувствие у человека, которого на инвалидность отправляют. Я военный по образованию, по крови и воспитанию. Я просто не умею быть гражданским человеком. Жить гражданским не умею.

– Я вас понимаю… – Она перестала улыбаться лицом,

а глаза по-прежнему улыбались. – Но новая кость у вас все равно не вырастет. А с титановым протезом-заменителем еще могут быть проблемы. Металл в организме не всегда приживается. Да и коленная чашечка тоже… Это значит, что об армии вам придется забыть.

Люся вытащила из папки документы:

– Везде, где я галочки проставила, вам расписаться нужно.

Я стал расписываться не читая. Хотя, вообще-то, такой привычки не имел. Всегда предпочитал знать, где я свой автограф оставляю. Но настроение было настолько скверное, что стало абсолютно все равно, где расписываться, и вообще, что со мной в дальнейшем будет. Инвалид в тридцать лет…

Последний листок Люся держала в руках.

– Здесь расписываться не нужно. Это вам направление в институт военной психиатрии.

– А зачем это? Что, снова положат? И опять на несколько месяцев?

– Я не могу знать, на какой срок вас положат. Проведут обследование. Потом, может быть, лечение понадобится. У вас же была контузия сильнейшая. Причем третья по счету. Это может сказаться на… На поведении. Двери начнете ломать…

– А если я это направление просто выброшу? – поинтересовался я. – Что будет? Наденут на меня смирительную рубашку и отвезут туда насильно?

Она плечами передернула.

– Не знаю. Ничего, наверное, не будет. Будете пенсию получать только по нашему профилю. «Ранение конечностей»… Мы же только за хирургию можем отвечать…

– А что, после этого самого института могут и вторую пенсию дать?

Меркантильные дела меня волновали всегда достаточно мало. Но жизнь такая сейчас, что пенсии, я слышал, будет не хватать на многие мелочи, к которым я давно уже привык.

– Нет. – Она опять улыбнулась. – Вторую не дадут. Какую-то одну. По нашей линии у вас будет третья группа с правом трудоустройства. А если по психиатрии, то… – Люся задумалась. – Скорее всего, вторая и без права трудоустройства или даже первая. По крайней мере, с большими ограничениями в этом праве…

– С какими ограничениями?

У нее улыбка сошла и с лица, и из глаз исчезла. Глаза стали серьезными.

– Извините, я ваши документы смотрела. У вас там и права на автомобиль, на танк, на боевую машину пехоты, на бронетранспортер. И даже лицензия на управление вертолетом, и документы на наградное оружие…

– Есть у меня такие документы, – согласился я.

– За руль вам садиться не разрешат и права на ношение оружия вас лишат. Поскольку статья об инвалидности будет психическая…

– Дураком то есть признают? – прямо и весело спросил я.

– Не совсем так. Просто неадекватным человеком. Не всегда способным отвечать за свои поступки. Только вы забудьте, что это я вам сказала…

– Я не болтун, Люся. Я – не подполковник Ослоухин…

– Солоухин… – поправила меня Улыбка, но глаза ее блеснули озорством. Это значило, что новое произношение фамилии заведующего отделением ей понравилось, и теперь это будет распространяться среди медперсонала больницы.

В палату зашел немолодой старший прапорщик Геннадий Кузьмич по кличке Геморрой Кузьмич. Ему только два дня назад геморрой прооперировали. В хирургическом отделении среди солдат, как я слышал, поговаривали, что кличка за товарищем старшим прапорщиком пришла из батальона мотопехоты, где он служил старшиной роты и где его так прозвали солдаты. Улыбка при виде старшего прапорщика покраснела, словно совершила откровенный служебный подлог, и торопливо встала с моей кровати, будто перед этим лежала там.

Я передал ей подписанные документы, она передала мне направление в психи, которое я, глядя ей в глаза, тут же скомкал в комок и забросил к себе в тумбочку. И сделал это так решительно, что сам даже не усомнился в том, что никогда ни в какой институт военной психиатрии на обследование или на лечение я не лягу.

Улыбка вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь. Она почему-то всегда, как я заметил, стесняется Геморроя

Кузьмича. Но тому было не до нашего разговора. Он залез к себе в тумбочку и вытащил пластиковый пакет с едой. Геморрой Кузьмич всегда был готов жрать без перерыва на обед, чтобы не похудеть и не потерять великий авторитет, висящий у него на поясе. А после еды бегом бежал в туалет. Короче говоря, представлял собой фабрику высококачественных фекалий. Вот только не знаю я, просто как-то вопросом не задавался – он на унитазе тоже жует или нет…

* * *

Эта отправка на пенсию по инвалидности была, вообще-то, всеми ожидаема, но я в это не хотел поверить до конца. Наверное, просто потому, что прекрасно понимал, как это разрушит мою жизнь, к чему я, естественно, почти никогда не стремился, за исключением случаев, когда необходимо было рисковать собой при выполнении боевых заданий. Верить в инвалидность я просто не желал. Надежда всегда умирает последней. И она во мне жила, я надеялся, что произойдет чудо, все образуется, все останется по-прежнему. И сам предпринимал к этому ходы. Бегать начал тогда, когда врачи считали, что я уже должен уметь ползать. Но теперь свершилось худшее, и разрушение оказалось неизбежным. Рушилась не только жизнь офицера, командира лучшей роты бригады, о чем свидетельствовал вымпел, висящий на стене в ротной канцелярии. Три последних года моя ро-

та по итогам всех проверок и сравнительных мероприятий бригады спецназа ГРУ признавалась лучшей среди себе подобных. А бригада называлась лучшей среди других бригад. А это уже само по себе значит, что моя рота лучшая по всем показателям во всей Российской армии, поскольку простая армия ни под каким соусом не может сравниться со спецназом ГРУ. К этому уже все привыкли, но с лучшей роты и спрашивали всерьез. И задания во время командировок на Северный Кавказ давали самые ответственные, которые могли оказаться не по плечу другим аналогичным подразделениям. И все это рушилось. Рушилась при этом и личная жизнь. Здесь я наивных иллюзий не строил. Ибо хорошо знал характер жены и даже говорил вслух, что смерть – это тот момент, когда щупальца моей жены не будут шарить по моим карманам после получения жалованья. Жена всегда очень любила, когда я уезжал в боевые командировки, поскольку такие командировки хорошо оплачивались. Она сама мне признавалась еще до свадьбы, что с детства была жадной. Я думал, что сумею ее перевоспитать. Не получилось. И она меня тоже не перевоспитала. Не смогла сделать не только жадным, но даже экономным. А как меня сделать таким, если я от рождения другой! И на этой почве между нами часто возникало взаимное непонимание, порой переходящее в серьезное фронтовое противостояние с применением всех видов тяжелой артиллерии. Наталья в такие дни ходила по дому как неразорвавшийся артиллерийский снаряд

сто пятьдесят второго калибра и постоянно обещала разорваться…

В госпиталь экспериментальной медицины ко мне она приезжала дважды, шипуче, как бутылка прокисшего пива, открытая в жару, ругалась непонятно на кого, что поездки дорого стоят. И уже с первого визита стала намекать, что ей моя инвалидская пенсия не нужна – это несопоставимо с ее запросами и привычками утонченного человека, пользующегося только ароматизированной туалетной бумагой. Естественно, не нужна только вместе с мужем-инвалидом. Если бы муж-инвалид просто отдавал ей пенсию и жил где-нибудь в стороне непонятно как и на что, она, думаю, согласилась бы. Так, по крайней мере, говорило мое знание людей вообще, и собственной жены в особенности. А вместе с мужем пенсия ее не устраивала, несмотря на то что такого мужа, как я, прокормить несложно – ем я мало, да и то часто в бригадной столовой вместе с солдатами. Понятно, бесплатно. Но ее и это не интересовало. О каком-то уже созревшем решении она откровенно сказала во второй свой приезд, когда сумела уже кое-что о моей дальнейшей судьбе разведать. Это были не прямые слова, но прямой и понятный намек. Я, естественно, не сильно грустил и не особенно радовался. И все же, скажу честно, как перед расстрелом, облегчение тогда наступило. В глубине души я давно уже знал, каким образом, в определенный момент, все это закончится. И даже сам хотел этого. Как человек честный, я хотел быть

честным не только внешне, но и внутренне, то есть перед самим собой. Но я бы долго еще не решался порвать с ней отношения просто из чувства собственной ответственности. Мы ответственны за тех, кого приручили, как говорил Сент-Экзюпери. Но когда она решилась, я самодовольно не возражал. Тогда, впрочем, еще жила во мне надежда, что меня подлечат и оставят служить. Но этого не произошло. Значит, одновременно с окончанием военной карьеры благополучно завершилась и семейная жизнь. А как вообще жить в гражданской жизни – я не понимал абсолютно. Это, понятно, касалось не семейных отношений, а жизни вообще, каких-то занятий, стремлений к чему-то. Но спецназ ГРУ учит своих бойцов адаптироваться к любым условиям. Значит, и мне предстояло адаптироваться.

А жена… А что – жена? Без жены не хуже… Это даже не развод – это избавление. Слегка радуясь, что все разрешилось без особых усилий с моей стороны, я достал из тумбочки трубку и позвонил жене, чтобы обрадовать и ее…

Глава первая

Квартира в военном городке у меня была только служебная, то есть моя только в то время, когда я нужен, и ее следовало освободить, когда нужда во мне отпала, чтобы там поселился новый, уже назначенный, хотя пока и не прибывший из другой бригады командир роты. Мне на высвобождение жилой площади выделили неделю, не зная еще, как мне казалось, о моем новом, уже почти состоявшемся семейном положении. В военном городке вообще квартирный вопрос всегда стоял колом, и потому тянуть было нельзя. Но что мне было собирать целую неделю? В моем понимании, если взяться за дело, за неделю можно новый дом построить и даже туда переехать, хотя многое доделывать пришлось бы, уже после вселения. Но события начали, оказывается, развиваться и без моего участия. Пока я из Москвы, из госпиталя, добрался до штаба округа, где оформлял документы в отделе кадров разведуправления, пока доехал до бригады, пока пришел из батальона, куда сразу по прибытии и направился, в военный городок, жена уже собрала почти все вещи. Не побрезговала ничем, кроме моей одежды и кое-каких полувоенных мелочей, типа ножей, слегка похожих на боевые. И то, думаю, только потому, что посчитала их военным имуществом, подлежащим сдаче на склад. А одежды у меня вообще было немного. Я не любитель больших битком

набитых шифоньеров и потому, что привык носить только простое и удобное, или армейское, и потому, что помнил, как в первый год моей семейной жизни просто так, сам по себе, от внутреннего непомерного напряжения и, думаю, возмущения, взял и развалился большой шифоньер у моей тещи. На моих глазах. И вот туда, к жизни рядом с таким шифоньером, жена и собралась от меня подальше перебраться. Пока меня не было, Наталья даже контейнер заказала, чтобы вещи и мебель отправить. Рассчитывала, как я понял, увезти все до моего приезда. Но не получилось. Всего одного дня ей не хватило. А чего торопилась? Или ждала, что я начну вещи по весу и объему делить? Я не начал, в очередной раз утвердив ее во мнении о собственной безалаберной непрактичности. От ее потного взгляда у меня, признаться, нога разболелась. Когда контейнер прибыл, я отложил в сторону свою инвалидную реабилитационную палочку и помогал вещи грузить. Нога сразу прошла. И ничего показал себя инвалид в сравнении с профессиональными грузчиками, вполне еще жизнеспособным.

Жена с сыном от первого брака, моим пасынком, воспитывать которого в брутальном духе мне не позволялось, уехали в тот же день к ее родителям. На моей, кстати, машине, меня даже не спросив, словно это был давно решенный вопрос. Вообще-то, он таковым и был. Но решенным только одной Натальей, не спросившей моего мнения. Однако я был согласен. Я рад был, что она так быстро уезжает. Чем, кажется,

слегка «убивал» ее. Машина была на меня зарегистрирована, а у жены даже доверенности не было. Впрочем, она была вписана в полис ОСАГО, и по нынешним законам этого было достаточно. Как она потом намеревалась машиной распорядиться, я не знал, но она всегда что-нибудь придумает. Вплоть до того, что меня разыщет и заставит написать «дарственную». Налог за такое «дарение», естественно, придется платить мне. А я, оставшись один в пустой квартире, забрал из ротной канцелярии свой походный рюкзак и умудрился сложить в него все свои вещи. Как оказалось, у меня не было даже нормального цивильного костюма. Кроме армейской формы, был только камуфлированный костюм и костюм спортивный. Были, правда, еще и джинсы, и пара спортивных маек, обувь. Не много, но мне этого хватало. А главное, все это помещалось в рюкзаке. Из мебели мне остался только тяжелый металлический пенал, называемый по какому-то недоразумению «оружейным сейфом», хотя к классическому сейфу он родственных чувств не испытывал абсолютно никаких.

Наш комбат уже заранее созвонился с кем следует и узнал в штабе округа, что мне, как инвалиду боевых действий, выделили в областном центре небольшую однокомнатную квартиру. Быстро и без обычных проволочек. Потому, оказывается, он и поторопил с выселением. Утром мне должны были выделить машину, чтобы в областной центр отвезти. Об этом комбат сообщил мне, когда после службы заглянул

«на огонек» – одну лампочку на кухне Наталья из-за торопливости и суеты все же забыла вывинтить и забрать. А перед уходом комбат, слегка стесняясь, передал мне увесистый пакет с деньгами – это офицеры бригады собрали для меня после того, как узнали о моих семейных переменах. Без этих перемен, я уверен, никто ничего не дал бы. Моя жена, могу заявить с гордостью, слыла человеком известным в военном городке и при этом считала, что живет правильно, как и положено жить нормальному человеку, а потому была откровенна с соседками, считая по наивности, что они ее понимают и поддерживают. Отсюда, видимо, и прошла весть о разводе, который еще предстояло оформлять документально. Короче говоря, о некоторых чертах ее характера знали все. Отказаться от конверта я не мог и потому, что не хотел сослуживцев обидеть, и потому, что в деньгах нуждался, не будучи уверен, что уже завтра получу в бухгалтерии полный расчет, компенсацию за неиспользованный отпуск и обещанные законом «подъемные» в размере двухмесячного жалованья. Когда комбат ушел, я полюбопытствовал. В конверте было больше восьмисот тысяч рублей. Для меня это были громадные деньги. Я же радовался, что машина, которая не всегда заводилась, в этот день завелась без возражений, и жена благополучно уехала. Если бы знала о конверте, наверняка машина не смогла бы завестись…

А после ухода комбата один за другим стали собираться офицеры сначала роты, а потом и всего батальона. И даже

знакомые из соседних батальонов заглянули. Я так и не понял, откуда в доме появилась и посуда, и закуска, и все остальное. Я бы еще понял, если бы это множилось каким-то волшебным образом в холодильнике. Но благодаря заботливости жены я остался и без холодильника…

* * *

Дорога до областного центра была не длинной и не сложной, хотя и нельзя назвать ее автобаном. Доехали спокойно, а потом начались хлопоты, которые я в принципе не люблю. Но это было, видимо, обязательной составляющей в дальнейшей моей жизни, по крайней мере на настоящем ее этапе. Пора было отвыкать от армейских порядков, когда за тебя многое решают, когда за тебя многое делают, с тем только условием, чтобы ты свое дело делал и не отвлекался на повседневность бытия. А гражданская жизнь наполовину состоит из повседневности бытия. Однако хлопоты завершились, как завершается все, что имеет начало, и я вздохнул с облегчением, потому что даже вспотеть не успел. Вдвоем с водителем-солдатом, улыбчивым широкоплечим крепышом, который сам на себе, наверное, может свой легкий грузовичок на допустимой правилами дорожного движения скорости таскать, мы занесли «оружейный сейф» в квартиру на первом этаже, ключи от которой мне вручили полча-

са назад в ХОЗО[3] штаба округа. Квартира была старенькая, требовала ремонта, и потому я не торопился покупать мебель. Купил только диван, чтобы было где спать, постельное белье, чтобы было на чем спать, пару табуреток, чтобы было где присесть, маленький стол на кухню и минимум необходимой посуды. Правда, еще приобрел боксерский мешок, который мне помог подвесить в тесной прихожей тот же водитель-солдат, первым мешок опробовавший своим пудовым кулаком. Не обошлось и без покупки тяжелого молотка и нескольких солидных гвоздей, на которые и пришлось мешок подвесить. После этого машину я отпустил. Водителю до бригады добираться еще сорок километров, при этом солдат не желал бы, наверное, опоздать на обед. Все остальное я надеялся приобрести и доставить до дома сам. В худшем случае – на такси. Ни нога, ни рука меня не беспокоили. Значит, мог работать. А в перечень остального, что я мысленно уже составил, входили только материалы для ремонта квартиры, которым я и намеревался заняться в гордом одиночестве. Материалы я закупал до позднего вечера. Много магазинов обошел. Впервые ремонт собрался делать не на вкус жены, а на свой, и хотелось сделать его так, чтобы самому нравилось. Сам не ожидал от себя такой хозяйственной прыти, но от этого «не ожидания» прыти не убавилось. Даже обои выбирал непривычно тщательно, представляя, как они будут смотреться в квартире, хотя раньше все-

[3] ХОЗО – хозяйственный отдел.

гда этим делом занималась жена, а я использовался только в качестве носильщика-грузовика. И только тогда, когда частично начал работу, побелив на один раз потолок, сообразил вдруг, что у меня в новой квартире вообще нет ничего съестного. Нет даже чая, чтобы его заварить в новый, только сегодня приобретенный заварочный чайник. Посмотрел на часы. Большинство магазинов уже, скорее всего, закрыты. Но есть же наверняка и такие, что допоздна работают. Наверняка есть даже такие, что работают ночью – город все-таки миллионный. А потолку перед второй побелкой в любом случае требуется просохнуть. И я, как разведчик со стажем, отправился на поиски, предполагая, что магазины, работающие допоздна, должны располагаться на крупных перекрестках, где много остановок общественного транспорта. Этот вывод был чисто умозрительным, и я один такой перекресток не слишком далеко от моего нового дома помнил. И, сменив старый мундир, в котором работал, на простой гражданский «камуфляж», смело направился туда.

Моя инвалидная реабилитационная палочка постоянно напоминала мне, что правая нога у меня хотя бы частично, но протезная. Отсутствие палочки так назойливо об этом не говорило. Но палочку я пока решил не выбрасывать. Знал по опыту, как внезапно может подступить боль. И тогда нужно на что-то опереться. Однако даже при этом знании существовало знание и другое. Нога, чтобы хорошо работать и не часто спотыкаться, должна быть в постоянном движе-

нии. Все просто. Человеческие ноги – это же обыкновенные насосы, которые гоняют по организму кровь. Так мне один знающий человек объяснял. И чем больше шевелишь ногами, тем лучше кровь по телу бегает, следовательно, человек более здоровым становится. А мне необходимо было восстановить здоровье. Для чего конкретно мне это было необходимо, я, честно говоря, еще не знал, но от незнания уверенность моя не пропадала. Просто я привык всегда быть здоровым и сильным, не видел основательной причины, чтобы от этого отказаться. И я, презрев городской транспорт, отправился на поиски магазина пешком, хотя до того самого нужного мне перекрестка было не слишком близко, но, как я уже вспомнил, и не слишком далеко.

Магазин нашелся. Он был большим, не бедным, но я, наученный недавней поездкой в Москву, уже уяснил себе, что чем лучше и привлекательнее упаковка, тем хуже продукт на вкус. И потому покупал себе не много и все самое внешне непривлекательное. К гурманам себя никогда не относил и умел обходиться, грубо выводя аналогию, гранатой и не требовал себе баллистическую ракету. Хотя в таком магазине выбрать самое простое было достаточно сложно. Немного, но я все же выбрал. И с пластиковым пакетом в левой руке, поскольку правая была занята инвалидной палочкой, отправился домой. Уже начало стремительно темнеть, но не зря эмблема спецназа ГРУ изображает летучую мышь… В темноте спецназу полагается ориентировать-

ся лучше, чем лягушке в своем болоте. И я не боялся не найти дома, к которому еще не успел привыкнуть, и не собирался ломиться в чужую квартиру, как случается с пьяными. Более того, я пошел даже напрямую через чужие дворы, которыми никогда раньше не ходил, будучи уверен, что не смогу заблудиться в городе, хотя там заблудиться, ежику понятно, гораздо легче, чем в незнакомом лесу.

Хотя я интуитивно хорошо ориентировался, что в лесу, что в горах, что в полях и степях, и всегда знал направление, в котором мне следовало двигаться, по происхождению я все же был отпетым и конченым горожанином и имел в запасе городские инстинкты. И потому, увидев длинное девятиэтажное здание, я сообразил, что его мне следует обойти по всей длине, чтобы попасть к торцу старенькой пятиэтажки, в которой мне и выделили квартиру. Вдоль всего длинного дома тянулся, грубо говоря, «проезжий тротуар». Вообще-то, это был тротуар, по которому днем и молодые мамы с колясками обязательно гуляли, но предназначенный одновременно и для проезда автомобилей, о чем говорили огороженные бордюром «карманы» рядом с каждым подъездом – якобы места для парковки. В предночное время машин рядом с домом почти не было. Это не Москва, где автомобилей, кажется, больше, чем жителей, и где плюнуть невозможно, не попав в автомобиль. В областном центре люди предпочитают не оставлять машины на ночь без присмотра и отгоняют их в гаражи, кто гаражи имеет, или на платные стоянки,

кто собственных гаражей не имеет. Но и в отсутствие машин никто рядом с домом не гулял. Время было, должно быть, слишком позднее для прогулок. Только мужчина с женщиной устало шли на десять шагов впереди меня. Так устало шли, что даже я, инвалид с палочкой, передвигался быстрее. Они вообще, как большинство горожан, кажется, не умели ноги при шаге полностью распрямлять. Я давно уже заметил, что сейчас большинство людей в городах ходит на полусогнутых ногах. Эти двое шли медленно. Женщина еще более-менее ноги поднимала, хотя ее усталость в походке была заметна, а мужчина передвигался на «полусогнутых» и подошвами шаркал. Ко мне в роту время от времени приходили солдаты, которые ходили так же. Исправить походку можно было только муштрой и насмешками. Насмешки товарищей были особенно действенными. Но этот мужчина, как я легко определил, в спецназе ГРУ не служил. Может быть, парочка просто прогуливалась в вечерней тишине, устав от дневных техногенных городских шумов. Но эта же вечерняя тишина позволила мне даже при полном расслаблении всех армейских инстинктов легко услышать звук автомобильных двигателей и даже определить, не оборачиваясь, а только по звуку, что автомобилей вдоль дома за моей спиной движется два – один за другим. И приближались они достаточно быстро, как обычно и происходит на улицах, покрытых вечерней или ночной темнотой. Правда, проезжие части улицы, как правило, бывают освещены фона-

рями, а на неосвещенных улицах водители предпочитают включать фары дальнего света, поскольку фары ближнего света положено включать даже днем, но они светят не далеко. Там, где я шел, освещение было достаточно тусклым – свет падал только из окон дома, сам по себе был слабым, рассеянным и неравномерным, да еще приглушенным шторами. По идее, дальний свет фар лучше было бы включить. Тем более я десять шагов назад переступил через «лежачего полицейского», который при быстром движении без освещения может и подвеску автомобиля «пробить». Причин для беспокойства у меня не было, хотя движение с выключенными фарами меня слегка насторожило. Но я в этом городе не успел еще никого «достать» настолько, чтобы в ответ попытались «достать» меня. Значит, и беспокоиться было не о чем. Я просто сделал шаг в сторону, остановился на газоне и обернулся, желая пропустить машины, которые были уже недалеко. Два внедорожника – впереди «Тойота Ленд Крузер 200», позади «Хенде Санта Фе». У второго, правда, светится в фарах светодиодная полоска дневных ходовых огней, у первого даже такого света нет. Но едут быстро. И, конечно, только в самый последний момент обратили внимание на «лежачего полицейского». «Ленд Крузер» резко затормозил, отчего «Санта Фе», где водитель поздно успел среагировать, ударила своего ведущего в задний бампер. Однако легкое столкновение почему-то не вызвало обязательной разборки между водителями – это уже давнее пра-

вило на российских дорогах, и любого соображающего человека такое положение вещей – отсутствие разборки – должно насторожить. Насторожило и меня, хотя внешне это проявилось только тем, что я перебросил хват на своей инвалидной палочке, теперь удерживая ее за середину, чтобы в руке у меня оказалось что-то типа деревянного топорика, которым при правильном умелом ударе легко голову любому противнику хотя бы проломить. Главное, знать куда бить.

Идущая впереди парочка повторила мой маневр с освобождением дороги, а внедорожники снова рванули с места. Но уже через пару секунд передняя машина снова заскрежетала тормозами, и вторая опять «поцеловала» ее в задницу. Еще когда машины проезжали мимо меня, я успел увидеть, что от первого столкновения пострадала только задняя машина, проломившая свой бампер о массивный фаркоп передней машины и помявшая номер. Второе столкновение было, видимо, таким же по характеру. Но рассматривать небольшую аварию у меня времени не было. Внедорожники не просто затормозили, они остановились. Из первого выскочили трое парней, из второго – только двое. На лица у всех были надвинуты маски «ночь», а в руках каждый держал по бейсбольной бите. Водители при этом оставались за рулем и двигатели не заглушили. По их мнению, все дело должно было закончиться в несколько секунд.

А само дело состояло в том, что нападавшие бросились на мужчину и женщину, которые как раз только обернулись.

Мужчина, как я заметил, отбросил что-то в сторону, ближе к крыльцу подъезда, и тут же глупо попытался своей расправленной широкой грудью женщину прикрыть, не умея, похоже, от бейсбольной биты защититься, хотя это, по моему понятию, должен уметь каждый здоровый мужик. Бейсбольная бита – орудие тяжелое и жесткое. Подставляться под него просто глупо. Я как-то смотрел в Интернете уроки какого-то горе-эксперта, который показывал, как сделать защитный блок. Глупости это. Без рук с таким блоком останешься. Единственное, что можно в данном случае использовать – свою быстроту и невооруженность. Дело в том, что серьезный удар битой можно нанести только размахнувшись. Причем удар наносится с дистанции – иначе никак не получится. Сократи ты резко дистанцию, заблокируй в заднем положении руки противника, ушедшие в замах, и бей его сам. Для начала лучше всего нанести удар лбом по носу. А потом уже чем придется. Этот же физически крепкий и красиво сложенный тип не умел простейшего. И его, неумелого, так огрели поперек груди, что он рухнул там же, где стоял. Должно быть, бита попала куда-то в область сердца. Это единственное уязвимое место на груди. Таким ударом можно «отключить» даже человека физически очень сильного, каким мужчина и казался. А женщина, даже не взвизгнув, не закричав, сразу побежала в мою сторону. Я же уже бежал ей навстречу, хотя бежать быстро нога мне все-таки мешала. За женщиной бро-

силось сразу трое. И я опомниться не успел, как оказался между ней и парнями с битами. Но они, видимо, даже внимания обратить не желали на невидного человека среднего роста и средней комплекции, к тому же идущего с инвалидной палочкой, хотя и не сильно хромающего, и хотели пробежать мимо меня, продолжив преследование, как перед этим мимо меня проехали, не постеснявшись при мне начать нападение. Меня совершенно напрасно не брали в расчет. Не уважили и этим слегка обидели. Я такого не люблю. И всепрощением я не обладаю. Противник был близко и двигался по встречной линии почти вплотную к линии моего движения. Моя левая, травмированная рука, прямо под которую он бежал, сорвалась в автоматическом режиме сама собой, без раздумий, остановив на бегу переднего. Стремительное движение тяжелого, слегка толстоватого парня и встречное движение кулака нашли общую точку соприкосновения в районе его челюсти. Простой закон физики сработал безупречно, как в учебнике. Такому «лосю», возможно, не хватило бы одного моего удара. Но к моему удару добавилось его собственное нерасчетливое движение, силы сложились, и искры посыпались из глаз у меня и, думаю, у него. У него от удара в челюсть, у меня от боли в плече. Дверь в госпитале была, кажется, менее крепкой, чем эта челюсть. Тем не менее, и челюсть не выдержала. Парень пролетел мимо меня, теперь уже головой вперед, и приземлился без звука и движения прямо лицом в огора-

живающий дорогу бордюр. Маска «ночь» едва ли годилась на роль смягчающей подушки. Второй удар – о бордюр – был не менее чувствительным, чем первый. Но парень его, кажется, и не почувствовал. В момент соприкосновения с бетоном он уже был в глубоком ауте. Двое бегущих следом слегка отставали. И бежать начали позже, и бегать умели хуже. Но при виде того, что случилось с первым, оба попытались притормозить. Однако история здесь случилась та же самая, что перед этим с их автомобилями. Передний хотел остановиться, задний налетел на него и просто, как лютый пузатый бульдозер, сдвинул в мою сторону. Думать мне было некогда. Поскольку свою инвалидную палочку я держал за середину, то есть она у меня была вполне управляемой, я выбросил вперед правую руку, нанося удар ручкой палочки под основание носа противника. Практика говорит, что удар в это место наносится редко, хотя по своей эффективности он превосходит многие мощные и резкие удары. У основания носа на хряще собирается множество нервных окончаний, удар по которым всегда бывает чрезвычайно болезненным. Кроме того, при таком ударе легко разрывается сам носовой хрящ, что вызывает сильнейшее кровотечение, мешающее дыханию. И человек после такого удара просто выпадает из схватки. Конечно, маска «ночь» в какой-то степени смягчила мой удар, как и первому смягчила удар по челюсти. Тем не менее парень, как летел от толчка, так и упал туда, куда летел – под мою руку, сам не «отключился», но «от-

ключился» от действия, рухнув на колени с натуральным поросячьим визгом. Подобный визг я слышал только один раз в жизни, когда видел, как в деревне кастрировали несчастного поросенка. Теперь вот так же визжал человек. Но я, честное слово, кастрировать его не собирался. Да и времени у меня было мало, потому что третий противник замер рядом, не решаясь ни на какие действия. Тем не менее моя инвалидная палочка была довольно слабым оружием против его бейсбольной биты. Правда, мое преимущество заключалось в том, что палочкой можно было нанести удар коротко и резко, без замаха, тогда как битой требовалось обязательно размахнуться, чтобы удар получился чувствительным. Ждать, пока противник это поймет и размахнется, я не намеревался, я просто шагнул к нему, вполовину сокращая дистанцию, а он тут же побежал. Сначала спиной вперед, смешно семеня ногами, потом и развернулся. Отбежал не далеко, на пять шагов, что отделяли его от еще одной пары парней с битами. Я хорошо помнил, что есть еще двое за рулем в машинах, которые, видимо, всегда готовы прийти к ним на помощь.

Трое шагнули в мою сторону. Но тут я услышал за спиной знакомый звук. Я этот звук ни с чем не спутаю. Лязгнул затвор взводимого пистолета.

– Стоять всем, иначе стреляю… – из-за моей спины сказала женщина.

А я-то думал, что она уже убежала далеко.

Парни остановились. Испытать битой крепкость инвалид-

ной палочки они бы еще решились. Тем более бит было три против одной палочки. Но подставляться под пулю никто из них не желал. Но тут открылась водительская дверца «Ленд Крузера», оттуда вывалился небольшого роста человечек, похожий на Колобка, и, выглядывая из-за машины, наставил свой пистолет то ли на меня, то ли на женщину.

– Стреляй, а потом я стреляю. Предупреждаю, промахиваться я не умею… – прокричал Колобок неожиданно тонким, как у классического евнуха, голосом. При этом маска «ночь», надетая, видимо, второпях, забивала ему рот и мешала кричать.

Я спиной почувствовал, как женщина заколебалась. Это такое же ощущение, когда чувствуешь спиной, что сзади приближается опасность. В этот момент следует не медлить. Есть святое правило! Если ты достал оружие, ты должен его применить, иначе – жди беды.

– Стреляй! – приказал я за плечо.

Но выстрела не последовало. Момент был напряженный, и неизвестно было, как он разрядится. Но разрядиться он должен был, потому что напряжение не может длиться постоянно. Оно даже в малых дозах утомляет, как плавание вверх по водопаду.

– Так, короче, дамочка… – продолжал кричать Колобок, стараясь придать своему визгливому голосу солидность и решительность, колоритность и авторитетность, хотя это и казалось со стороны смешным. – Расходимся мирно… Я заби-

раю своих парней и уезжаю. Стрелять вслед машине не советую. В ответ будет стрелять автомат. Договорились?

Женщина некоторое время поколебалась, потом сделала пару шагов вперед, вышла сдуру из-за моего плеча, как из-за укрытия, и бросила взгляд на человека, с которым шла до нападения на них. Тот, как упал, так и лежал без движений. Видимо, желание помочь ему сыграло в поведении женщины скверную роль – сама подставилась под выстрел. Я не понимал, почему Колобок не стреляет. Его полузакрытая позиция была выигрышной в данной ситуации.

– Договорились. Забирай… – решила женщина довериться противнику.

Я думал, что в нее сейчас выстрелят. Хотя бы для собственного удовольствия выстрелят. Но не выстрелили. Непонятно почему. Дистанция была убийственная – четыре шага. Не промахнулся бы и пьяный кролик.

Но прозвучала едва слышная команда. Трое оставшихся, бит из рук не выпуская, подхватили под руки одного за другим своих собратьев и отволокли их мимо меня к машинам. Я, видя миролюбивость вооруженной женщины, тоже стал миролюбивым и никому даже пинка не дал, когда поверженных бейсболистов волокли мимо меня. И биты их забрать не забыли… Вернее, отволокли только одного, второму лишь помогли дойти, и никто не обернулся в поисках его носа. Но нос, возможно, на соплях все же висел на месте. Кроме того, в темноте искать сложно и долго. Кровь сильной

струей бежала на грудь из-под маски «ночь» и всю нижнюю часть маски пропитала…

Дверцы захлопнулись. Но дело этим не закончилось. Машины рванули. Через два метра новая остановка. На сей раз обошлось без столкновения автомобилей. Из «Ленд Крузера» выскочил Колобок с пистолетом в руке и снова его на нас наставил. Одновременно с переднего пассажирского сиденья первой машины высунулся здоровенный детина с битой, поставил на землю только одну ногу и нанес мощный удар по голове лежащего без движений мужчины. Бил, судя по всему, в висок, с размаха, но неудобная для удара поза и невозможность полноценного размаха не позволили нанести точный удар, и бита только вскользь прошла по лбу, порвав на нем кожу. Кровь брызнула на лицо и на асфальт.

Женщина уже успела убрать свой пистолет в сумку и теперь лихорадочно снова пыталась вытащить его дрожащими руками. Я прикрыл ее попытки своим телом, надеясь, что она сумеет оружие, которое за что-то зацепилось, все же достать достаточно быстро. Она пистолет вытащила и сделала выстрел вслед уезжающим внедорожникам. Кажется, даже попала в заднюю дверцу. По крайней мере, мне послышался характерный звук, когда пуля пробивает металл.

– Дай пистолет, – потребовал я и не глядя протянул руку, желая забрать оружие и сделать профессиональный выстрел. Может быть, даже не один. Я успел бы с такой дистанции поразить оба задних колеса хотя бы задней машины, а на по-

вороте влепил бы пулю в голову водителя передней – Колобку с голосом евнуха. Но женщина вцепилась в свое оружие и не желала доверить его в чужие, незнакомые руки. Вообще-то, решение в какой-то степени правильное, тем не менее оно не позволило машины остановить.

Внедорожники тем временем повернули, пролетели короткий участок до главной дороги, свернули на нее и скрылись за кустами, густо высаженными вдоль дорожного полотна. Теперь уже и не видно было бы, куда стрелять. А наугад можно было бы расстрелять постороннюю машину. На главной дороге движение было постоянное, хотя, по времени суток, и не напряженное. Я прекратил попытки завладеть оружием и только кривой усмешкой признал свое поражение в этом вопросе. Женщина торопливо сунула пистолет назад в сумку и заспешила к распластанному своему спутнику, на свежей газонной траве, встала перед ним на колени, стала трясти за плечи, пытаясь поднять и посадить. Но мужчина садиться не хотел, а она удержать его в сидячем положении не могла. Он оказался для женских рук тяжеловатым. Мужчина только-только начал приходить в себя – то ли мычал, то ли стонал, и пытался рукой отодвинуть женщину от себя.

– Леша… Леша… – звала женщина.

Откликаться он не желал.

Я остановился рядом, опираясь на палочку. И слегка удивлялся. Если бы после первого удара битой в грудь лопнули сердечные сосуды, Леша уже даже мычать бы не смог.

Значит, удар был пустяковый, который надолго «отключить» мужчину не смог бы. Да, будут потом ребра болеть, может быть, некоторые даже сломаны, может, сломана и ключица, но это ощутится потом. В горячке это обычно не чувствуется. По голове удар был скользящий, и голову он не проломил. Обильно стекающая на лицо кровь – только результат рассечения кожи. Бывает, конечно, что люди от скользящих ударов теряют сознание, но ненадолго. И после этого чувствуют себя, как боксер после обычного не слишком тяжелого нокаута. Не очень приятно, но терпимо. И сами пытаются встать на ноги, хотя находящиеся рядом пытаются им, как правило, помешать и предлагают полежать спокойно без суеты и движений.

Но высказывать все это было не время. Хочет мужик показаться пострадавшим за женщину, которую он, как ни суди, все же прикрыл своей широкой грудью, пусть пытается показаться. Женщины такому верят с удовольствием и считают потом этих мужчин героями.

– Надо «Скорую помощь» вызвать, – сказал я. – Я трубку дома оставил…

– Да-да… – Женщина достала из сумки свою трубку и стала набирать какой-то номер. Пальцы ее при этом, к моему удивлению, совершенно не дрожали, как тогда, когда она пыталась достать пистолет. Женщина уже овладела собой. Но набирала она явно не короткий номер «Скорой помощи», что я сразу заметил. – На счету не хватает средств для совер-

шения звонка, – повторила женщина фразу, которую, видимо, услышала в своей трубке. Но тут же похлопала по карману Леху и вытащила у него трубку.

Теперь номер набрался без проблем, ответили, похоже, сразу, и женщина сказала:

– Капитан Радимова. На нас с капитаном Взбучкиным только что совершено нападение людей с бейсбольными битами. Взбучкин без сознания. Подъезжайте к моему дому… Нет, номера машин я увидеть не смогла. Я стреляла по уходящей машине. Внедорожник какой-то. Кажется, пробила дверцу багажника. Уехали они… Поторопитесь…

Я поднял руку, привлекая внимание, и продиктовал ей оба номера. Уж такую-то вещь я без внимания оставить не мог даже в самый разгар драки…

Радимова сообщила в трубку номера, не объясняя, кто ей подсказал…

Глава вторая

– Вы кто? – спросила меня женщина.

– Прохожий, – проявил я свойственную разведчику скромность. – В соседнем доме живу. В пятиэтажном… – кивнул я в ту сторону, куда лежал мой путь.

– Я здесь никого еще не знаю. Я в последнем подъезде живу. Даже соседей по лестничной площадке еще не знаю. Месяц назад сюда переехала и дома-то почти не бываю. Прихожу, по сути дела, только кота покормить. А в соседнем доме не знаю никого тем более.

– Я тоже… – улыбнулся я. – Сегодня утром переехал.

– Значит, будем почти соседями… Вот, значит, и первое знакомство. – Она улыбнулась и протянула руку, представляясь: – Александра. Можно просто Саня… У нас в горотделе меня зовут капитан Саня. Я из полиции. Оперуполномоченный уголовного розыска.

Улыбка шла ее хмурому, слегка мужеподобному грубоватому лицу, делало его женственным. Что она капитан полиции, я уже понял по ее телефонному звонку. Знакомство состоялось. Не продолжив разговора, капитан Саня снова попыталась привести в чувство пострадавшего капитана Взбучкина, он упорно сопротивлялся, тупо и, как мне показалось, осознанно, не желая возвращаться в сознание. Я же вмешиваться не стал, хотя мог бы просто применить ста-

рый ментовский прием – натереть Взбучкину уши, чтобы тот начал быстрее соображать. Я, ничего не объясняя, отошел к крыльцу, где поискал глазами то, что Взбучкин выбросил при приближении двух внедорожников. Подумалось, что это было нечто важное, ради чего бандиты сюда и приехали. Над дверью подъезда горела лампочка в мутном плафоне, но освещение она, пусть и не сильное, давала. И я нашел, что искал. К моему удивлению, это была трубка сотового телефона. Достаточно простенькая, недорогая трубка, не какой-нибудь смартфон. Но почему капитан Взбучкин решил ее выбросить, этого я не понимал. Но вполне отдавал себе отчет, что просто так трубку никто выбрасывать не станет. Даже такую простенькую, с минимумом функций. Трубку я, естественно, поднял и сунул себе в карман. Не потому, что хотел завладеть чужим имуществом, а машинально, только чтобы руки освободить. Наверное, подспудно думал отдать капитану, когда тот в сознание окончательно заявится. Но тут с включенными сиренами подъехали сразу три ментовские машины и отвлекли мое внимание от мыслей о трубке. Наверное, менты же и «Скорую помощь» вызвали, потому что она приехала вслед за ними.

Я же подобрал свой пакет с продуктами, палочка так и оставалась у меня в руках. Бригада «Скорой помощи» к ментовским методам возвращения сознания не прибегала, тем не менее быстро заставила капитана Взбучкина открыть глаза, и даже не просто сесть, а резво вскочить, словно ему

за шиворот ведро кипятка вылили. Для этого понадобилось просто поднести к его носу ватку с нашатырным спиртом. Капитану это не понравилось жутко, он интенсивно заворочал вислым пудовым носом и сразу открыл глаза, которые тут же заслезились от этой же ватки и от крови, которую медики стирали с лица другой ваткой, смоченной в растворе, видимо хлоргексидина. Я не удивился. Нормальная реакция на нашатырный спирт. На хлоргексидин такой реакции не бывает – он не имеет ни вкуса, ни запаха, хотя средство это для обеззараживания ран и в спецназе считается идеальным.

Капитан Саня Радимова убедилась, что со Взбучкиным все почти в порядке и что даже голова у него, как сказали медики, цела, и только кожа рассечена. Она первой забралась в машину и пригласила туда же некоего майора Котова, с которым меня почти на ходу познакомила, и майор стал с ее слов составлять протокол о происшествии. Потом в машину пригласили меня. Капитан все еще сидела там же.

– Где вы так драться научились? – спросила Саня. – Когда на тебя несколько человек с этими битами бежит, нормальный человек сам всегда попытается убежать, а вы – им навстречу.

– Да вот, нога у меня… – посетовал я. – Убегать не позволяет. Не смогу убежать…

– А что с ногой? – поинтересовался майор.

– Часть бедренной кости поменяли на титановую труб-

ку. Коленную чашечку заменили на чашечку из нержавейки, и прочие такие же неприятности.

– Давно это у вас? – Майор был бестактным и любопытным, как настоящий мент. – Привыкли?

– Привык. Как не привыкнуть за неделю…

– Неделю? – переспросила капитан Саня, посмотрев на меня внимательнее.

– Операция, понятно, раньше была. Неделю как из госпиталя экспериментальной медицины на инвалидность отправили.

– Где служили? – Майор Котов постарался сесть прямее и подтянуть животик, показывая и себя вполне боеспособным офицером.

– Спецназ ГРУ. Командир роты капитан Страхов Тимофей Сергеевич. Теперь вот капитан в отставке. Отправили на отдых, квартиру выделили. Только сегодня вселился. Ремонт еще только начал делать. Сейчас пойду доделывать. На один раз потолок побелил, надо на второй, а то и на третий побелить… Квартира запущена… Но и за то спасибо, что выделили. До утра думаю закончить, если вы не помешаете…

– Мы не помешаем, – пообещала капитан Саня. – По крайней мере, до утра. Это точно обещаю. Капитан спецназа ГРУ… А я еще удивилась, как вы так сразу номера машин заметили и даже запомнили оба. У нас так только в ГИБДД могут, да и то не все. Надо было бы мне доверить вам свой

пистолет. Тогда бы они наверняка не смогли бы уехать.

– Надо было, – согласился я. – С другой стороны, пистолет первому встречному доверять тоже нельзя. А вдруг я оказался бы отпетым уголовником? Потому осудить вас не могу…

Майор Котов стал расспрашивать меня о происшествии, все записал, занес в протокол мои данные, адрес, номер телефона и хотел было, как это обычно в полиции делается, сам прочитать мне записанное. Но я попросил включить в салоне машины свет и прочитал все сам, пожелав только уточнить отдельные неразборчиво записанные слова, и только после этого расписался на каждой, как полагается, странице. Я ни к кому не придирался, никому не выражал недоверия. Просто я не имею привычки ставить подпись под словами, которые приписывают мне, но с которыми я имею полное законное право потом не согласиться. Это в госпитале совсем недавно я подписывал бумаги не читая. Но там у меня состояние такое было… Хуже, чем сейчас у Взбучкина…

У майора Котова моя привычка вызвала только ухмылку, но не возражение.

– Завтра к одиннадцати утра ко мне в отдел прийти сможете? – спросила Радимова.

– Если есть необходимость, загляну, – пообещал я.

– Если какие-то обстоятельства помешают, позвоните мне, предупредите, чтобы я не ждала. Запишите номер… – Она продиктовала мне номер сотового телефона.

Я повторил для проверки, но записывать не стал. Такие

вещи я запоминаю легко.

– Леха! Взбучкин! – позвал майор в распахнутую дверцу машины.

Врачи капитана уже отмучили, хотя и пообещали забрать с собой для обследования и для наложения швов на рану на лбу. Видимо, на месте накладывать швы им было несподручно. Света фар, наверное, не хватало. Хотя я и как-то, помнится, сам зашивал себе рану на ноге прямо во время боя простыми нитками, простой, не хирургической иглой и плоскогубцами, которыми иглу сначала загибал, а потом протаскивал через живое мясо. Но у них, похоже, просто не было такой необходимости. Да и рана на ноге слегка отличается от раны на лбу. Здесь косметика значение имеет.

Я вышел из машины через другую дверцу, оставив свое место Взбучкину.

И только подойдя к своему подъезду, вспомнил про чужую трубку в кармане. Стареешь, товарищ капитан… Ведь только что, когда Радимова номер своего «мобильника» диктовала, памятью мысленно хвастался…

* * *

Перекусив яичницей с небольшим куском хорошо прожаренной говяжьей печени, я сначала переоделся в уже заляпанный известью спортивный костюм, потом чуть-чуть отдохнул. Но не потому, что устал или слишком распережи-

вался из-за случившегося недавно – схватка не шла ни в какое сравнение даже с тренировочными занятиями у нас в роте, а просто потому, что между едой и работой следует сделать небольшой перерыв – привычка. Потом решил закончить с побелкой потолка. Не имея женской косынки, чтобы покрыть голову и уберечь волосы от брызг извести, я, как и при первой побелке, воспользовался обыкновенной «камуфлированной» банданой, какие были в ходу в спецназе ГРУ в пору, когда об оснастке «Ратник» только слышали, но до войск она доходила лишь отдельными элементами для испытаний. Тогда бойцы нашей системы, не большие любители носить на голове стальные каски, поголовно начали в теплое время года пользоваться банданами и только в зимнее надевали такие же «камуфлированные» вязаные шапочки. И никакие приказы сверху не могли заставить бойцов полюбить каски. Выезжали в командировку, каски, естественно, крепили к ремню. Полагалось с собой брать. Но на операцию в них не выходили. Когда поступили шлемы от оснастки «Ратник», их носить начали не только потому, что они несравненно легче стальных, но и потому, что в шлем интегрировались средства связи и, частично, наблюдения, в том числе и видеофиксации. Особенно важно было наличие средств связи, чтобы слышать все команды или разъяснения по ним. И потому эти шлемы прижились, и даже вместе с противоосколочными тактическими очками, которые никто на глаза, естественно, не надевал,

но и со шлема их не снимали. Я свою бандану оставил как память, но пришлось вот использовать и в качестве защиты волос. Известь вполне способна голову побелить раньше, чем подойдет пора действительно поседеть. А я, как всякий слегка рыжеватый человек, к настоящей седине был не склонен. И не торопился приобрести седую солидность.

Известь я купил уже гашеную, концентрированную, в пластиковом ведерке, только разводил ее водой и переливал в небольшой армейский котелок, с которым было удобно взбираться на табуретку. Еще утром удивлялся, как это жена котелок забрать не додумалась. Мне он весьма даже сгодился. Мой весьма средний рост не позволял мне до потолка дотягиваться, стоя на полу. А с большой посудой работать было бы несподручно. Да и с любой посудой у меня просматривался откровенный дефицит. Я уже побелил на второй раз половину потолка, когда раздался звонок в дверь. Часы показывали половину первого ночи. Гостей в это время я не ждал – не приглашал никого. Первый этаж позволял ходить в обуви, и звук моих шагов не мог побеспокоить соседей. Разве что бомжей, если они живут в подвале. Но бомжи не пришли бы возмущаться тем, что я им спать мешаю – они места своего обитания не афишируют и вообще на скандалы никогда не нарываются. Традиционные скромняги…

Я как раз налил в котелок новую порцию известки и к двери так и вышел с котелком, в котором кисть торчала. Открыл дверь не спрашивая, кто ко мне пожаловал. Не девица на вы-

данье, чтобы бояться незваных гостей. А гости, в самом деле, оказались незваными.

За дверью стоял Колобок. Тот самый, из машины. Хотя сейчас на нем не было криво надетой маски «ночь», я както умудрился узнать его. По фигуре, что ли. А за его спиной стояли еще двое. Оба широкомордые – бей, не промахнешься. Но если промахнешься, не промахнутся они. Парни не самые хилые, и глаза, как и полагается, интеллектом не блещут.

– Леха где? – Этот высокий визгливый голос я узнал тем более. А вот меня, одетого в ремонтный и испачканный старый спортивный костюм, да еще без инвалидной палочки в руках, Колобок не узнал. А вот это, мне подумалось, зря. Иначе он не стоял бы так вот, словно со спущенными на колени штанами, не готовый получить по своей идеальной геометрически круглой голове. А бить я умею с аппетитом, в чем двое из этой компании уже убедились.

– Какой такой Леха? – переспросил я негромко, чтобы не разбудить соседей, и даже невинно. А какая вообще вина на мне может быть? Я ее не ощущал.

– Взбучкин. – Фамилия уже прозвучала грозно и требовательно.

Это уже становилось интересно. Я сразу просчитал, что если они до этого покушались на капитана Взбучкина, о чем мог бы намекнуть последний удар битой, нацеленный лежачему якобы в беспамятстве капитану в голову, то не ста-

ли бы меня спрашивать, а сразу попытались бы нанести удар или выстрелить. А потом бы ринулись в квартиру искать Взбучкина. А тут спрашивают так, словно к нему в гости пожаловали. Кроме того, другой вопрос хотел бы ясного, как летнее небо над Турцией, ответа. Почему там, на месте нападения, в лежачего Взбучкина не стреляли? Пуля, мне кажется, всегда надежнее удара бейсбольной битой. Впрочем, это, наверное, дело вкуса и воспитания. Кто к чему привык, тот любимый вид оружия и предпочитает. Я, как воспитан армией, всегда вот предпочитаю использовать пулю, хотя мой наградной пистолет лежит в «оружейном сейфе» пока невостребованным.

– А я обязан знать, где он? – ответил я вопросом на вопрос.

– Ладно, не суетись, – посоветовали мне из-за спины Колобка. – Зови Леху.

– Его здесь нет. Ушел… – с милейшей улыбкой соврал я и увидел, как разговаривающий со мной парень поднял ладонь, на которой лежал смартфон с большим монитором, посмотрел в монитор, после чего, почти вежливо подвинув в сторону Колобка, шагнул за порог и уже совсем без всякой вежливости попытался точно так же подвинуть и меня, чтобы в квартиру пройти.

Весовые категории у нас были неприлично разные. Он – явно больше сотни кэгэ. Я едва до семидесяти пяти дотягиваю, да и то во многом благодаря наличию тяжелой колен-

ной чашечки в правой ноге – нержавеющая сталь не легкая. Ему сопротивляться – у меня веса не хватало, и потому я предпочел неуклюже сдвинуться, поддаваясь, но делая вид, что сопротивляюсь. Он напирал. В результате чего я слегка потерял равновесие, и моя рука, в которой был зажат котелок с раствором извести, совершила круговое движение и опрокинула котелок на голову парню.

Известь, видимо, все же на глаза действовала «приятно», хотя и была гашеной. Матюки были способны весь подъезд разбудить. И это, во избежание последующих недоразумений в общении с соседями, необходимо было срочно прекращать. Я и попытался прекратить. Кажется, успешно. Рука котелок выпустила, а сама легла парню на плечо, найдя необходимую мне точку опоры – слишком высоко находился его подбородок. Конечно, я мог бы допрыгнуть, но зачем тратить лишние усилия, если можно руку использовать. Я помог себе рукой, оттолкнулся от его плеча, совершил скачок и ударил правым коленом ему точно в челюсть. Сомневаюсь, что найдется в мире челюсть, способная выдержать удар коленной чашечки из высоколегированной нержавеющей стали. Пусть и прикрытой сверху кожей. Точнее будет сказать, кусками кожи, поскольку кожу на колене мне сшивали из лоскутков. Хруст при ударе был такой, словно в челюсть с размаху ударили паровым молотом, хотя тот и бьет без размаха. Я непонятно почему подумал, что это не сталь захрустела. Парню, кажется, понравилось. По крайней мере, он не сразу «вы-

рубился». Наверное, природная тупость помешала. Я давно уже заметил, что от природы тупые человеки, как правило, не сразу удар осознают. Интеллекта не хватает, чтобы понять ситуацию адекватно и сразу свалиться. И этот тоже. Он сначала качнулся назад, потом посмотрел на меня так, словно что-то новое для себя и непонятное из жизни в космосе узнал и только после этого все так же вдумчиво свалился на порог, загородив проход в квартиру, но и одновременно, подперев дверь своим тяжелым мускулистым задом. А за дверью у меня стояло мое оружие – инвалидная реабилитационная палочка. Впрочем, они свои биты тоже в машине, видимо, оставили. И потому некоторый паритет соблюдался.

– Ты что, козел! – Колобок возмущенно отступил одной ногой в подъезд.

– От Колобка и слышу… – просто ответил я по детскому принципу: «Сам дурак».

Должно быть, его так и дразнили в детстве. И он сам, как ни странно, считал эту кличку обидной. Может, потому и в бандиты пошел, чтобы с обидчиками рассчитаться. И потому вулканически возмутился моими словами и ринулся вперед, прямо на меня своей круглой головой. Это было очень неосторожным движением, о чем я его предупредить просто не успел из-за его же стремительности. Есть категория людей, которые бодаться любят. И потому против них специально выработано хорошее средство – выстав-

ленный или даже резко выброшенный вперед локоть. Скорость движения собственного тела всегда сделает нападающему, наткнувшемуся на локоть лицом, больно. А если еще и ударить локтем навстречу… Естественно, я ударил – чуть снизу и навстречу. Меня так много лет учили этому удару, но при этом не учили жалеть противников, потому что они меня тоже не пожалели бы. И ситуация сложилась бы не в мою пользу. Особенно когда противников несколько. И Колобок, так и не узнав о том, что неаккуратность в движениях жестко наказывается, послушно лег прямо на первого, принявшего известковый душ. И почему-то обманул мои ожидания, не подпрыгнул после падения, как мячик. Третий парень еще стоял в подъезде, не зная, что предпринять, и для чего-то причесывая ладонью свою лысину. Время, что ли, тянул и ждал, когда я с мыслями соберусь и сообщу ему нечто кровно важное. А мне мое время дорого, и слова я берегу, как вид внутренней энергии. Кто словами часто разбрасывается, тот много энергии теряет и бывает к концу рабочего дня сильно истощенным. А мне еще предстояло потолок до утра добелить. И я, шагнув прямо на что-то ниже спины Колобка, честно дал последнему парню пинка в пах. Увесисто так приложился…

Парень, видимо, оказался сильно стыдливым и постеснялся визжать на весь подъезд. Уважаю мужественных людей! Но этот визг вместе со стоном застыли у него в широко раскрытых, готовых лопнуть козлячьих глазах. И мне осталось

только подошвой, милостиво, без удара, столкнуть его, присевшего и зажавшегося, с лестничной площадки на короткий пролет лестницы до входных дверей подъезда. Парень скатился, так и не разогнувшись. Конечно, если разогнешься, катиться будет неудобно. Однако он и внизу не разогнулся. Не знаю, может быть, и сломал себе что-то типа шеи. Я рассматривать не стал. Я только показал, что тоже имею физическую силу, которую полностью в госпитале экспериментальной медицины не оставил. Сначала приподнял за шиворот Колобка и спустил с той же лестницы уже с прицельным пинком под известное место, которое не позволяет себе лодыжку отбить. Потом и известкового крупного парня, который в себя приходить не торопился, вытащил и бросил мордой вниз на лестничной площадке, поскольку ему, не сгруппировавшемуся, катиться по лестнице было невозможно трудно. Я вернулся в свое жилище и закрыл за собой дверь. Захотят войти – милости прошу. Я дошел до «оружейного сейфа» и вытащил свой наградной пистолет. У Колобка, помнится, тоже пистолет имеется. Кроме того, он и автоматом грозил. Значит, мои действия будут полноправной самозащитой, без всякого «превышения мер».

И только после этого я вдруг сообразил, что парней следовало бы просто «повязать» и сдать в ментовку. Передернув затвор и дослав патрон в патронник, с пистолетом в руках я снова распахнул дверь. Моих ночных гостей за дверью и даже на лестнице уже не было. И тут же за подъездной дверью

послышался шум пробуксовывающих на асфальте автомобильных шин. Машина, видимо, рванула с места очень резво. Отчетливо слышалась бешеная «прогазовка». Я закрыл дверь, обернулся и тут только увидел у стены, между двумя металлическими банками с краской для оконных рам и дверей, завалившийся туда смартфон. Тот самый, что рассматривал «любитель» гашеной извести перед тем, как попытаться войти ко мне. Экран был темным. Я нашел кнопку сбоку и включил. На мониторе была какая-то совершенно непонятная мне графическая программа, не успевшая закрыться до того, как монитор войдет в «спящий режим». Три сложных графика сразу. И ни один из них мне ничего не говорил. Хотя, как мне подумалось, эта программа каким-то образом связана с капитаном Взбучкиным.

Вопрос был только в том, неожиданно понял я – с самим капитаном или с той трубкой, которую он пытался выбросить. Но это прояснить было несложно. Я прошел в комнату, нашел трубку в кармане своей «камуфлированной» куртки, вытащил и выключил ее. На смартфоне сразу изменилось изображение. Ломаные линии графиков превратились в прямые горизонтальные линии. Возникший вопрос был правомерен и понятен. Но сам я просто по недостатку компетенции был не в состоянии его решить. А решать его следовало хотя бы для естественного обеспечения собственной безопасности.

Например, самый естественный – что скрывала эта труб-

ка. Но с этим вопросом разобраться было возможно. Второй вопрос – почему там, во время первого нападения, смартфон бандитов не показал, что трубка валяется в стороне. Они же могли просто подобрать ее и уехать, прикрываясь тем же самым пистолетом Колобка. Зачем брать на себя лишнюю статью, нападая на полицейских? Но факт оставался фактом – трубка для ее носителя являлась предметом серьезной угрозы. И при этом меня смущал тот факт, что бандиты приехали за капитаном Взбучкиным совсем не с угрожающим видом. Они даже свои бейсбольные биты оставили в машине. Скорее всего, и пистолет тоже. Иначе Колобок не постеснялся бы вытащить его после душа, который получил его товарищ, и уж тем более после удара копытом, то бишь коленом, прилетевшим по тому же адресу. Что-то здесь не связывалось в единую систему, и я отложил в сторону свою трубку, хотя уже собирался позвонить капитану Радимовой, чтобы рассказать о происшествии и попросить совета. Не стоит, наверное, подставлять женщину, пусть и опера уголовного розыска, который, защищая себя, может и оружие применить. Правда, не слишком умело, тем не менее умения у бандитов, надо полагать, еще меньше. При мне они его не продемонстрировали.

И еще в этих происшествиях отчетливо просвечивали «белые пятна». Собрались напасть, избить полицейских битами. Чаще всего такое избиение заканчивается летальным исходом. Но у бандитов было огнестрельное оружие. Поче-

му нельзя было сразу стрелять, не применяя биты, не вступая в драку? Что-то здесь не вязалось. Тем более Колобок грозил даже автоматом. Это, предположим, я один во всей этой заварушке сумел бы с пистолетом противостоять автомату. А ни Взбучкин, ни Радимова этого, на мой опытный взгляд, сделать не смогли бы. Ментовской подготовки для такого рода самозащиты откровенно не хватает. Но, даже если бы они были подготовлены лучше всех ментов, вместе взятых, это еще не говорило бы о том, что они с пистолетами могли бы хорошо себя показать против автомата. А я мог бы. Но не на меня покушались. Я дважды ввязался в эту историю по чистой случайности. Какой-то высший Промысел толкнул меня на это. Особенно во второй раз – здесь уж точно без Промысла не обошлось. Но высшие Промыслы я разгадывать не умею. А вот человеческие замыслы разгадать должен попытаться.

Странным было, что Колобок не стрелял ни во Взбучкина, ни в Радимову. Чуть-чуть, самую малость странным показалось и то, что Радимова не стреляла в Колобка, хотя один выстрел в сторону машины все же был сделан. Но у меня уже сомнение возникло, что пуля в машину угодила. В самую «заварушку» женщина не испугалась, не убежала, но достала пистолет и хладнокровно дослала патрон в патронник. А то даже с офицерами были случаи, когда они забывали затвор автомата передернуть – слышал я про таких. Или передергивали, не опустив предохранитель, что тоже не даст

патрон в патронник дослать. Но она не потеряла самообладания. Однако в Колобка стрелять не стала, хотя могла бы и выстрелить, и даже попасть – дистанция была небольшая, даже если учесть, что он за угол машины прятался.

И тут же мне вспомнилось, как Радимова вышла из-за моей спины, когда Колобок еще стоял с пистолетом в руках. То есть она не воспользовалась тем, что есть возможность за мной, посторонним, укрыться, и вышла на открытое место. Почему она так сделала? Была уверена, что Колобок в нее стрелять не будет?

И как она вцепилась в пистолет, когда я думал забрать у нее оружие и сделать выстрел. С одной стороны, как офицер полиции, она поступила правильно. Категорически запрещается передавать табельное оружие в чужие руки, даже в руки сослуживцев его передают только в самом крайнем случае.

Вторая мысль возникла сама собой. Капитан Саня боялась, что я сделаю прицельный выстрел? И удачный выстрел. Выстрел на поражение. Конечно, эта мысль была в значительной степени менее логична и даже слегка абсурдна в сравнении с первой. Тем не менее и она имела право на существование. И сразу появилось развитие. Радимова знала, с кем имеет дело. То есть понимала, что капитан спецназа ГРУ может стрелять точно. И именно это было причиной ее упрямства. Конечно, она не учла, что я мог одним ударом «уронить» ее, забрать пистолет и сделать тот же выстрел

на поражение.

Это все варианты. Но варианты следовало рассмотреть все…

* * *

Конечно, меня никогда не учили теории и методологии следственного дела. Но меня обучали теории и методологии разведывательных действий. Помню, в военном училище у меня по этой дисциплине всегда были отличные оценки. А суть всех этих действий сводилась к тому, чтобы собрать и разложить все имеющиеся факты по полочкам и найти между ними логическую связующую цепочку. Там, где цепочка будет рваться, следует искать дополнительные факты. Самое сложное – определить место, где существуют пустоты, и понять, чем их следует заполнить. Чем я и занялся, одновременно продолжая побелку потолка. Но методология разведывательных действий, видимо, существенно отличается от методологии действий следственных. В первой обычно присутствуют две постоянные величины – первая и последняя. А у меня было не просто слишком мало фактов, чтобы всю цепочку от начала до конца выстроить, у меня не было главного – начального и конечного факта. Я просто не имел возможности их узнать, иначе как обратившись за помощью к полицейским. Но, честно говоря, при определенном направлении своих мыслей я отчего-то начал ду-

мать, что к этой трубке, за которой бандиты охотились, имеют причастие или капитан Взбучкин, или капитан Радимова. И обращаясь к кому-нибудь из них за помощью, я рискую раскрыться и себя подставить.

Хотя, говоря по большому счету, меня, военного пенсионера-инвалида, меньше всего должно касаться все происходящее. Но то ли желание почувствовать себя не полностью никчемным инвалидом, а еще на что-то годным человеком, то ли простое человеческое любопытство толкало меня в это дело ввязаться. И даже при моих скромных возможностях что-то узнать я все же мог бы. Хотя бы логическим путем. Но, чтобы добраться до какого-то вывода тем самым доступным мне логическим путем, мне необходимы были факты, а фактов у меня не было. Значит, следовало их добыть. А для того чтобы добыть факты, у меня были свои пути, доступные мне, но недоступные полиции. Хотя у них тоже были свои пути, недоступные мне. Тем не менее я свои пути считал более прямыми, следовательно, более короткими и способными быстрее привести к цели.

Во-первых, я сразу решил проверить, что называется, «на вшивость» капитана Радимову, поскольку такая возможность у меня была. Это я сделаю уже утром. И это будет несложно. Меня пригласили в городское управление внутренних дел к одиннадцати часам. Мягко пригласили, не особо настаивая. И даже без повестки. По пути бандиты могут попытаться меня перехватить. Где-то на половине, пред-

положительно, дороги. Но я, в дополнение ко всему, чтобы усложнить проверку, воспользуюсь тем, что капитан Саня дала мне номер своего мобильного телефона. Это может помочь решить отдельно взятый вопрос…

Глава третья

Побелить потолок на три раза я все же успел и даже успел поспать положенные спецназовцу четыре часа. Мне этого вполне хватило, чтобы почувствовать себя бодрым. Встал я, как и планировал, ровно в семь часов. Внутренний будильник у меня всегда работает безукоризненно. Никакие другие будильники не нужны. Этот навык, видимо, не нарушил даже танк, который, как говорил профессор Ослоухин, по моей голове проехал. Если бы он в самом деле проехал, думаю, внутренний будильник начал бы давать какие-то регулярные сбои. И это еще один повод обвинить профессора в умышленном нагнетании обстановки относительно моего ранения. Не верю я товарищу профессору, несмотря на то что он подполковник. Хотя подполковникам я привык за годы службы верить. Дисциплина приучила.

Наскоро позавтракав, я еще раз посмотрел на часы. Была уже половина восьмого. Ментовских распорядков я не знаю и не догадываюсь, в какое время они изволят постель покидать. И все же решился позвонить в это раннее время капитану Сане. Она ответила быстро, словно трубку в руках держала. Обычно так быстро отвечают, когда трубка или в самом деле в руках находится, или когда ее торопливо хватают. А хватают обычно спросонья, когда трубка недалеко от подушки лежит. Судя по времени суток, сработать мог и тот

и другой вариант. Но, судя по сонному голосу, действовал только второй.

– Слушаю, капитан Радимова.

– Доброе утро, капитан. – Мой голос излучал приветливость. – Это Страхов. Вы вчера мне время назначили на одиннадцать утра. Но меня только что вот пригласили на десять часов в штаб округа к начальнику разведуправления. Генерал у нас обычно принимает на полчаса позже, чем назначает время. Потому я могу опоздать. Я позвоню вам, как только освобожусь.

– Да, Тимофей Сергеевич. – Она, оказывается, мое имя-отчество запомнила.

Память, значит, не подводит. Как же номера машин не смогла увидеть и запомнить… Это непрофессионально для мента, тем более капитана уголовного розыска. Впрочем, я слишком мало знаю об их профессионализме, чтобы судить таким образом.

– Договорились… У вас ночь без происшествий прошла?

– Все нормально. Только мой Шлягер всю ночь кричал. Какой-то беспокойный был.

– Шлягер?

– Это мой кот.

– Понятно. Он чувствовал, что вы недавно были в опасности. Коты очень чувствительны. Какая масть у вашего кота?

– Черный.

– У меня тоже был черный кот. Я его Сталкером прозвал.

Когда меня ранили, жена говорила, что кот всю ночь орал благим матом. А потом исчез. Ушел на прогулку и домой не вернулся. Так мы с ним больше и не виделись.

– Что ваша жена говорит о вчерашних событиях?

– Она о них не знает.

Я скромно не стал рассказывать о своих семейных проблемах. Пусть люди думают, что я в этой квартире поселился не в одиночестве. Да и выделяли мне квартиру на семью, а не на меня одного. А как дальше случится, я могу только гадать. Что, вообще-то, делать не умею и не люблю. Что будет, то и будет. И без всяких гаданий обойдусь.

– Тогда до встречи…

– Да, я предварительно позвоню. Мне сейчас необходимо много документов оформлять. Это все в связи с моей отправкой на пенсию. Могут и надолго задержать, могут и несколькими минутами удовлетвориться.

– Хорошо. Я сегодня, видимо, буду весь день на месте. Если куда-то уеду, трубка у меня с собой. Договоримся.

– Кстати, как там капитан Взбучкин?

– Его в госпиталь положили. Сотрясение мозга. И на лбу восемь швов наложено. Жаловался, что дышать ему больно. Но ребра не сломаны. К палате поставили охрану.

– Оклемается. Мужчина крепкий. А охрана зачем?

– Мы посовещались вчера вечером в отделе и решили, что это было покушение на него. У него несколько серьезных дел, которые могут стать причиной.

– А себя вы в расчет не принимаете?

– У меня все дела пустяковые. Не за что меня убивать или уродовать. Да и били, вы же видели, в основном его. Могли сразу меня ударить, но ударили Лешу.

– Он грудью вас прикрыл. Могло и вам достаться. А ему по груди знатно приложились, если до сих пор болит.

– Надеюсь, обойдется все без последствий.

– Будем надеяться. Ладно… До встречи… – Я отключился от разговора.

Хотелось еще спросить о том, проводился ли розыск тех двух внедорожников, на которых бандиты в масках «ночь» раскатывали. Но я решил, что она, скорее всего, сама еще мало знает, о чем мягко намекал ее сонный голос, и лучше будет узнать у нее подробности при очной встрече.

Теперь следовало делом заняться.

Конечно, сложно было предположить, что это капитан Саня прислала бандитов на мою квартиру, хотя она слышала мой адрес, когда я называл его майору Котову для занесения в протокол. Не было у нее видимых причин натравливать на меня кого-то. Как и у майора Котова, который тоже адрес знал, но не знал практически меня. Не сложно было бы узнать адрес и капитану Взбучкину. Но и у него не было причин меня преследовать. Мои пути и пути этих трех ментов на просматриваемом без приборов горизонте не пересекались. Кроме того, именно Взбучкина искали бандиты в моей квартире. А еще, как я уже убедился, искали они не по адре-

су, а по трубке и по смартфону с помощью какой-то незнакомой мне программы.

А действовать я собрался как раз потому, что мне хотелось бы в этой квартире пожить спокойно, без подобных визитеров, о челюсти которых можно было бы даже чугунные коленные чашечки разбить. И решить этот вопрос мне могли бы помочь. Но полагаться на ментов – дурная привычка. Я лично знаком со многими людьми, которые на ментов положились – обратились к ним и потом долго в этом раскаивались. Помощь я мог бы, наверное, получить от бывших уже своих сослуживцев. Естественно, мне никто не назначал встречу в генеральском кабинете. Но я предполагал, что те же самые бандиты могли бы пожелать перехватить меня по дороге в штаб военного округа, если бы я пошел к десяти часам. И это автоматически значило бы, что бандитов на меня натравливает именно капитан Радимова. А по какой причине – это еще предстояло бы выяснить, чтобы избежать повторения и еще слегка удовлетворить мое любопытство. Помимо этого всего, я оставлял повисшей в воздухе и возможность того, что никто специально меня не искал. И не актерские способности заставили Колобка не узнать меня, а так произошло в действительности. Но тогда получалось, что искали они капитана Взбучкина. Причем искали без агрессии, как своего человека. Но часто ли своим людям лупят битой с размаху по груди, а потом еще и по лбу! Маловероятно. Но существовала и другая возможность – на Взбуч-

кина пытались «перевести стрелки». Парни специально были подставлены под меня в надежде, что я опишу все это следственным органам, и тогда Взбучкина начнут, мягко говоря, «трясти» назойливые дядьки из управления собственной безопасности городского УВД. И, естественно, отстранят от всех текущих дел, что на капитане «висят». Возможно, это как раз и причина. Надо признать, что причина достаточно уважительная, чтобы мне не поверить в вину капитана. Впрочем, он и так сейчас от дел отошел и лежит, как сказала капитан Саня, в госпитале. Где находится госпиталь МВД, я знал. Однажды при парашютном десантировании у одного моего солдата случилось неудачное приземление – в высокой траве нарвался на пенек. Солдат повредил позвоночник. Его сначала положили в нашу бригадную санитарную часть, потом, узнав, что в госпитале МВД делает операции какое-то московское «медицинское светило», командование договорилось о переводе солдата туда. Операция прошла успешно, и хотя солдата комиссовали, он не остался инвалидом. Как командир роты я сам дважды навещал солдата там, в госпитале МВД. Может быть, придется навестить и капитана Взбучкина. Однако пока необходимости в этом не просматривалось, и потому я предпочел заняться своими делами плотнее.

Телефонных номеров у меня – полная голова. Сам удивляюсь, как цифры не путаются и через уши не высыпаются, хотя я уши не затыкаю из опасения что-то важное не услы-

шать. Тем не менее я не напутал и без труда вспомнил номер диверсионного отдела разведуправления округа, то есть отдела, который как раз и курировал нашу бригаду. Я набрал номер со своей трубки. Ответил мне как раз человек, с которым я и хотел поговорить – полковник Быковский. Днем раньше мы с ним вместе с ХОЗО ездили для получения документов на квартиру и ключей. Полковника в бригаде хорошо знали даже солдаты, с которыми он любил пообщаться, интересуясь их мнением о командирах. И офицеров бригады он всех знал лично.

Аппарат в отделе стоял с определителем номера. Я в своей трубке услышал, как телефонный робот голосом, похожим на женский, называет мой номер.

– Слушаю тебя, Тим Сергеевич… – отозвался полковник расслабленно, словно показывал, что готов со мной поболтать…

Значит, не у одного меня память хорошая. Быковский тоже мой номер запомнил. Хотя я звонил ему только один раз вчера утром, когда приехал в город на бригадной машине. В принципе, не много времени прошло. Забыть труднее, чем запомнить.

– Здравия желаю, товарищ полковник.

– Привет, привет, новосел… Денег на новоселье занять хочешь?

– Василий Игоревич, у меня тут некоторые бытовые неприятности возникли… Непредвиденные, которые я сам

разрешить не могу…

– Понял. По голосу слышу, что дело серьезное. Приходи сейчас. Пропуск я выпишу. Я пока свободен.

Иного я и не ожидал. Зная Быковского, я был уверен, что он позвал бы меня и выслушал, даже если бы был чрезвычайно занят.

Прицепив на дверь квартиры «контрольку»[4], я отправился в путь. Поездка на троллейбусе через весь практически город с окраины до центра, но не напрямую, а по большому кругу, заняла немало времени. И навеяла некоторые соображения. На этом пути меня слишком трудно определить и изолировать с целью захвата или просто покушения. И, возможно, я зря так рано разбудил капитана Саню. Впрочем, попытка захвата возможна и у подъезда при выходе, и в самом начале пути к троллейбусной остановке. А больше негде. В остальных местах или людно, или мне предоставляется возможность заранее определить угрозу. А опасность я представляю для противников даже без оружия, в чем они имели возможность уже убедиться. И они это должны были запомнить. Тем более что ментам, спасая которых я влип в эту историю, я сообщил, что представляю собой. И бандиты должны быть предельно осторожны и аккуратны. Даже более осторожны

[4] «Контролька» – известный среди разведчиков способ определения возможности вскрытия двери или, скажем, сейфа. Устанавливается между дверью и косяком незаметно для постороннего глаза. Для установления «контрольки» можно использовать собственный волос, нитку, пучок пыли и вообще любое, что не будет бросаться в глаза взломщику, но покажет хозяину, что дверь вскрывали.

и аккуратны, чем умеют это делать.

В дороге я имел возможность поразмыслить и о другом…

В самом деле, с чего это я взял, что идет охота непременно на меня? Мания величия достала? Возможно, как вариант, и это. Хотя ощущение собственной значимости мне на затылок обычно не давило. Другое дело, всем хорошо известно, что бандиты обычно не любят, когда их бьют. Тогда они и в чужих глазах свой авторитет теряют, и сами теряют в себе уверенность. А их действия всегда связаны именно с этой уверенностью. Я бы даже сказал, с самоуверенностью и с чувством безнаказанности. Но я их примерно наказал. И это им откровенно не должно понравиться. И что из этого вытекает? А из этого вытекает, что они постараются со мной разделаться. С инвалидом… Это же жесточайший удар по их самолюбию – инвалид их избил, причем избил жестоко, и сорвал, возможно, какое-то их важное мероприятие. Вот потому мне обязательно соблюдать осторожность. Что я в принципе делать умею профессионально. А они работать против профессионала не умеют. Конечно, собственные килограммы лишнего веса помешали им осознать, что может сделать человек веса значительно меньшего, но характера достаточно крепкого, чтобы не уступить и не испугаться. Не уступил, не испугался один раз. Значит, и в дальнейшем не уступлю. И спуску не дам. Хотя теперь они, возможно, информированы о том, с кем имеют дело. Но до конца, возможно, и не осознают, что такое офицер спецназа ГРУ. Это мало кто зна-

ет по-настоящему, кроме самих офицеров и тех, кто с ними имел конфликты. Плохо, конечно, что бандиты знают мой адрес. Это, так сказать, дополнительная опасность. Гораздо интереснее было бы, если бы я возникал ниоткуда и туда же исчезал, сделав свое дело. Но так бывает только в романах, в кино и в боевой обстановке…

* * *

Василий Игоревич пропуск, как и полагается, заказал. Он человек в делах всегда конкретный и никогда ничего не забывает. Встречать меня никто не вышел, поскольку я все еще автоматически считался в управлении своим человеком. А как же не считаться, если сделал свою роту лучшей ротой лучшей бригады во всем спецназе ГРУ. Меня ценили, как мне кажется, во время службы и продолжают ценить даже сейчас, когда я со службой расстался. Никто не думал, что я смогу заблудиться в здании штаба округа. Надежды я оправдал, не заблудился, пришел в управление, поздоровался с дежурным и сразу прошел в кабинет к полковнику Быковскому. В кабинете сидел еще один капитан, видимо, знающий меня, потому что поспешил поздороваться за руку. Петлицы и просвет на погонах у капитана были ярко-синего цвета. Возможно, раньше служил в ФСБ. Возможно, и сейчас служит. Хотя я уже давно привык к тому, что в разведуправлении можно встретить и сотрудников с любыми

знаками различия и нарукавными эмблемами, и посторонних офицеров тоже из любого рода войск. Так, дежурный по управлению, который меня встретил у дверей, носил петлицы танкиста. А сам полковник Быковский всегда носил десантную форму, которую раньше носил и спецназ ГРУ. Я капитана в мундире ФСБ почему-то не знал, но ответил вежливым рукопожатием. Вежливым – это когда не сжимаешь руку так, чтобы человеку было больно. За руку поздоровался со мной и полковник. И сделал знак рукой. Незнакомый капитан тут же, согласно кивнув, вышел. Понятливый, знает, что ему не во все дела следует соваться.

– Как новая резиденция? Понравилась? – сначала спросил Быковский.

Естественно, вопрос относился к квартире. Я знал уже, что квартиру мне «выбили» именно стараниями Василия Игоревича. Он лично ходил с письмом начальника разведуправления к мэру города на прием. Любое внеочередное выделение жилой площадки в городе строго контролировалось, и я не знаю, какие аргументы пришлось привести полковнику Быковскому, чтобы эту тесную квартирку мне все же дали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.